

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

О.В. Павленко

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОЕКТИРОВАНИЕ «БОЛЬШОЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ» В 1910–1914 ГГ.: РОССИЙСКИЙ РАКУРС

В статье рассматриваются военные мобилизационные планы и прогнозы большой европейской войны, которые разрабатывались высшими военными экспертами в России в 1910–1913 гг. Они смогли достаточно точно предвидеть ход Первой мировой войны. Уже к 1912 г. в российской элите сформировалось устойчивое представление о том, что западная граница империи представляет наибольшую опасность. Реалии блоковой дипломатии трансформировали образ «Запада» и «западной угрозы» того времени. Англия и Франция, как союзники России по Антанте, исключались из дискурсов «враждебности». Образы Германии и Австро-Венгрии, напротив, приобретали в геополитических текстах совершенно особый смысл. В статье не рассматриваются публицистические сочинения, только кабинетные материалы, представляющие «экспертный уровень» внешней политики.

Ключевые слова: Первая мировая война, геополитика, Россия, Австро-Венгрия, Германия, милитаризация.

После Первой мировой войны сразу вспыхнули острые споры среди военных, политиков и интеллектуалов. Победителям и побежденным не давал покоя вопрос: кто виноват в том, что конфликты между великими державами переросли в кровавую мировую бойню, унесшую жизни почти восьми миллионов человек? Межвоенный период прошел в острых дискуссиях. В послевоенном мире вопрос о вине приобретал ключевое международно-правовое и гуманитарное значение. Проигравшие страны были объявлены победившей Антантой виновными за все неслыханные бедствия и потери. С самого зарождения Версальско-Вашингтонская система

международных отношений оказалось расколотой на два мира – победителей и побежденных.

В 1920–1930-е годы в Германии, Австрии, Франции, Великобритании были изданы многотомные сборники дипломатических документов. Прежние донесения и соглашения, хранившиеся в государственных архивах под грифом «совершенно секретно», ранее недоступные даже многим государственным сановникам, теперь были опубликованы. Только с одной целью – доказать, что своя страна стремилась дипломатическими путями разрешить все возмущавшее число территориальных и экономических конфликтов¹. Вина возлагалась на «другие» нации. Подобные «формулы вины» органично вошли не только в бесконечные политические дебаты, журналистские рассуждения и общественные споры. Они стали также объектом ожесточенной научной полемики, которую развернули национальные историографии победивших и побежденных стран.

На примере трагической истории XX в. можно проследить, как изменялись интерпретации и формулы вины под влиянием текущих политических интересов и ситуаций. Прошлое и настоящее скреплялось в одних случаях общей печатью исторической вины, в других – триумфальной победы. На этой основе в исторической памяти рождались новые моральные императивы и мотивации, создавались новые символы коллективной идентичности, образы жертв и героев минувшей войны.

В России большевики рассекретили массив дипломатических документов последнего десятилетия империи, на скорую руку опубликовав их зимой 1917–1918 гг. Раскрывая тайны царских канцелярий, они демонстративно снимали с себя всякую ответственность за обязательства рухнувшей монархической власти, а также разоблачали «сговоры» буржуазных правительств. Уже в 1920-е годы издатели «Красного Архива», продолжившие дипломатические публикации, признавали, что первые опыты «были сделаны наспех, конец тогда был бы разговорам о “виновниках”, не потому, чтобы не было виновных, а потому что виноваты были *все* – и гораздо больше, чем думали о ком бы то ни было»².

Многотомные издания дипломатических источников стали фундаментом, на основе которого национальные историографии возвели концепции и теории о процессе зарождения Первой мировой войны. Ведь он имел общеевропейский масштаб, охватывал фактически все крупные и малые страны Европы. Но в эпицентре этого вихря великодержавных самолюбий и амбиций, честолюбивых устремлений европейских монархов, военных стратегов, больших и мелких политиков, биржевых дельцов и «новых баронов» было особое восприятие войны, которое породила эпоха империализма.

Общеизвестно, что дипломатические переговоры в июле 1914 г. были лишь вершиной айсберга, но под темными водами были скрыты десятилетние процессы подготовки к войне. Речь идет не только о военной, мобилизационной практике, но и политической воле европейских элит к войне, их моральной готовности к большому кровопролитию под национальными лозунгами и стягами. Как справедливо отмечает профессор Принстонского университета Эмилио Джентиле, «принцип национального суверенитета, основанный на национализме, стал наиболее универсальной демонстрацией процесса сакрализации политики в современном мире и воспроизвел значительное количество идеологий, культурных и религиозных традиций»³.

На эти сюжеты написаны многочисленные компетентные труды⁴. Большинство исследователей приходит к выводу, что не только Балканы были той зажигательной бомбой, которая изнутри взорвала благополучный европейский мир. Конфликты нарастали со всех сторон: Балканы, Китай, Марокко, лоскуточный Африканский континент... Острейшее переплетение англо-германских, германо-французских, русско-австрийских, германо-японских и прочих двусторонних и многосторонних противоречий.

На первый взгляд кажется, что тема досконально исследована. Но нередко реконструкция событий и процессов нуждается в детализации. В исторических исследованиях не бывает второстепенных деталей. Только сопоставление множества деталей позволяет почувствовать особый политический настрой начала XX столетия, ту феноменальную смесь великих иллюзий прогресса и фатального предчувствия войны, которой были проникнуты не только элитарные, но самые широкие социальные слои. Ожидание большой континентальной войны, которое неизбежно вызревало в популярных тогда идеологиях «национального эгоизма» и динамичном движении капиталов на всем колониальном мировом пространстве.

Данная статья написана на основе документов фонда 138 Секретного архива министра иностранных дел России. Несмотря на значительный объем опубликованных архивных источников, в богатейших коллекциях Архива внешней политики Российской империи (АВП РИ МИД РФ) хранится еще много материалов, позволяющих дополнять и уточнять наши представления о ходе политических процессов накануне и во время Первой мировой войны. В статье будут последовательно рассмотрены два, тесно взаимосвязанных сюжета:

- прогнозы будущей войны, сделанные российскими военными экспертами в 1912–1913 гг.;
- сценарий большой войны на Босфоре в начале 1914 г.

Конечно, это только отдельные эпизоды обширного военно-политического и дипломатического процесса, в недрах которого вызревала Первая мировая война. Но на их примере можно проследить, насколько тесно были переплетены интересы великих держав, как трудно провести грань между «виновными» и «безвинно пострадавшими».

План мобилизации Генерального штаба России и угроза большой европейской войны (1910–1912 гг.)

Когда в европейских правительствах стали разрабатываться сценарии войны? Когда можно говорить о точке невозврата в политических решениях монархов и их кабинетов? Версий ответов на эти вопросы может быть несколько. В дипломатических и военно-стратегических документах каждой великой державы можно обнаружить соответствующие материалы. Но рабочие документы и превентивные военные проекты не могут считаться достоверным доказательством реальной подготовки к наступательной войне.

В начале XX в. Генеральные штабы всех без исключения великих держав с удвоенной энергией разрабатывали мобилизационные проекты на случай грядущей войны. Ее тень уже нависала над европейскими столицами. О вероятности «большой европейской войны» писали крупные газеты. Эту тему активно обсуждали в политических и светских салонах. О ней неоднократно писали в донесениях дипломаты. Эту угрозу использовали в своих целях военные министерства и Генеральные штабы, чтобы добиться существенного увеличения финансирования для модернизаций армий и флота.

Опыт войн конца XIX – начала XX в. (пруско-французской 1870–1871 гг., русско-турецкой 1877–1878 гг., русско-японской 1904–1905 гг.) свидетельствовал, что традиционные «постоянные крепости» уступают под напором новых видов артиллерии и техники. Все великие державы форсировали проекты военной модернизации.

В России стали постепенно осознавать будущую угрозу только после позорного поражения в войне с Японией, которое вызвало по всей стране ожесточенную общественную критику боевой подготовки армии и флота. Военные реформы 1906–1912 гг. продвигались тяжело, буксовали от постоянного недостатка финансирования, интриг и коррупции в высших бюрократических кругах, конкуренции между флотским и армейским начальством.

С 1909 г. военным министром был назначен В.А. Сухомлинов. Под его руководством началась военная модернизация 1909–

1913 гг. Оценки деятельности В.А. Сухомлинова резко расходятся – от мнения о его высоких организационных качествах до крайне негативных суждений о том, что он допустил дезорганизацию армии накануне войны⁵. Личное расположение императорской четы к военному министру объяснялось его неиссякаемым оптимизмом, легкостью докладов, компромиссной позицией и умением улавливать настроения Николая II. Недаром император, зная о его конфликтах с лидерами Государственной думы А.И. Гучковым и М.В. Родзянко, сказал ему: «Что Вам с ними спорить – Вы мой министр».

Модернизация армии требовала колоссальных финансовых затрат. Но под влиянием модных тогда маринистских тенденций вопросы сухопутных вооруженных сил рассматривались во вторую очередь. В своих мемуарах В.А. Сухомлинов неоднократно упоминает о резких противоречиях с министром финансов и председателем Совета министров В.Н. Коковцовым.

«Большая программа по усилению армии» была разработана лишь к концу 1912 г. Только в октябре 1913 г. Николай II одобрил ее положения. Но понадобилось еще семь месяцев для окончательных согласований. Парадоксальная и по сути трагическая для России ситуация – программа была утверждена 24 июня 1914 г. и была рассчитана на четыре года. Хотя военное министерство приступило к ее реализации еще до окончательного утверждения, и были достигнуты определенные результаты, все же весь этот масштабный проект был сметен обрушившейся на европейские страны войной⁶.

Одним из наиболее интересных стратегических документов этого времени можно считать новый мобилизационный план. 30 мая 1910 г. по распоряжению императора Николая II была создана межведомственная комиссия под руководством генерал-майора А.С. Лукомского, начальника мобилизационного отдела Главного управления Генерального штаба⁷. Впоследствии во время Первой мировой войны он возглавил канцелярию Особого совещания по обороне государства, которое ведало регулированием военного производства и координировало фактически всю военную экономику.

Доверенное лицо генерала М.И. Драгомирова, он считался одним из наиболее авторитетных офицеров в вопросах мобилизации армии и ведения оперативных работ по сосредоточению армии к границе. С 1909 г. его карьера резко взлетела вверх на волне военных реформ. Тогда он возглавил не только мобилизационный отдел, но и приступил к работе по изменению прежнего Устава о воинской повинности 1874 г. Несмотря на незавершенность работы, эти меры все же позволили увеличить численность армии, более детально разработать правила призыва и разверстки контингента новобранцев.

Перед комиссией А.С. Лукомского была поставлена задача – разработать положения о подготовительном (предмобилизационном) периоде к войне. 2 мая 1912 г. в Совет министров был представлен совершенно секретный документ № 900. Это был проект Положения «О подготовительном к войне периоде», который несколько раз обсуждался руководителями Генерального штаба, дорабатывался и наконец, подписанный начальником Генштаба Я.Г. Жилинским, поступил на рассмотрение в правительство.

Проект был создан в расчете на международную ситуацию, которая характеризовалась весьма неопределенно: «открытию военных действий всегда предшествует более или менее длительный период дипломатических осложнений, коему присваивается наименование “подготовительного к войне периода”»⁸.

Была разработана особая процедура принятия решения о наступлении такого периода. Сначала три министра – военный, морской и иностранных дел, должны были прийти к общему мнению о неизбежности войны. После этого вопрос согласовывался на Совете министров, а затем поступал на рассмотрение императору. За ним закреплялось право на окончательное решение. Таким образом, накануне Первой мировой войны судьба России определялась, как в прежние столетия, только династической волей. Дипломатическое и военные ведомства оказывали лишь опосредованное влияние на процесс принятия решений. По сути, мобилизационный план закреплял личную ответственность императора в решении быть или не быть войне.

Важно было также подсчитать, во сколько обойдутся для России мобилизационные мероприятия, и за счет каких внутренних резервов будут финансироваться. Военные эксперты исходили из того, что соответствующее решение будет принято своевременно, и Россия будет иметь хотя бы один месяц на их развертывание.

Окончательный вариант положения был утвержден Николаем II 2 марта 1913 г., за полтора года до начала Первой мировой войны. Таким образом, оно разрабатывалось почти три года – с 1910 по 1913 гг. в соответствии с логикой военно-стратегического планирования того времени. Было выделено четыре варианта возможных политических осложнений по периметру границ России, которые могли повлечь военные конфликты:⁹

- осложнения на западной границе (общая стоимость мобилизационных мероприятий – 49 371 986 руб.);
- на Дальнем Востоке (20 166 233 руб.);
- на Кавказе (11 857 076 руб.);
- в Туркестане (12 783 784 руб.).

Естественно, при мобилизации потребовалось проводить необходимые меры на всех четырех направлениях – от западных рубе-

жей до Дальнего Востока. Приведенные суммы означали совокупный расход пяти ведущих министерств России: военного, морского, внутренних дел, путей сообщения и финансов. В целом речь шла о мобилизационных расходах, превышающих сто миллионов рублей. Огромная сумма по тем временам.

Обращает внимание, что именно западная граница рассматривалась как наиболее вероятная зона военного столкновения, требующая наибольших финансовых затрат. Основные координаторы мобилизационного проекта имели большой опыт работы в военных округах, прилегавших к западной границе: А.С. Лукомский – в Киевском военном округе, В.А. Сухомлинов – также в Киевском военном округе, затем он был киевским, подольским и волынским генерал-губернатором; Я.Г. Жилинский – в Варшавском округе¹⁰.

Еще при Александре III началось расширение системы укреплений на Висле. Как признавал в мемуарах В.А. Сухомлинов, «положение на Балканах и развивавшиеся там действия Австрии снова направляли наши помыслы на Запад как на будущий театр военных действий»¹¹.

Он вспоминает, что в 1912 г. в Париже состоялся примечательный разговор с начальником Генерального штаба Франции Жоффром относительно будущей войны: «Мы были с ним одного мнения: немецкий план направлен к тому, чтобы сначала сразить Францию несколькими решительными ударами, а затем обрушиться на Россию. Из этого мы вывели заключение, что нашей задачей является одновременное наступление на Германию с Востока и Запада»¹².

В России с тревогой наблюдали за ускоренным строительством железных дорог в Австро-Венгрии. Ведь именно железные дороги являлись тогда залогом успешной и ускоренной мобилизации. Французы были готовы участвовать в финансировании строительства железных дорог в России. Но только тех, которые имели бы военно-стратегическое значение и были направлены на западную границу. На ежегодных конференциях Генеральных штабов России и Франции разрабатывалась программа строительства сети железных дорог для реализации плана концентрации русских войск на Висле, чтобы «дать им возможность наступления на Восточную Пруссию в направлении на Алленштейн или Торн-Позен с такими силами, которые могли бы удержать 6 германских корпусов»¹³.

В.А. Сухомлинов приводит копию секретного письма министра финансов В.Н. Коковцова к министру иностранных дел С.Д. Сазонову от 17 июня 1913 г. № 639. В нем сообщается, что французское правительство готово было разрешить русскому правительству брать ежегодно на парижском рынке от 400 до 500 млн фр. в форме государственного займа или ценностей, обеспечиваемых государ-

ством для реализации программы железнодорожного строительства на стратегических линиях, предусмотренных французским Генеральным штабом. Вторым условием соглашения должно было стать увеличение наличного состава русской армии в мирное время. Французы настаивали на удвоении колеи на линиях: Брянск–Гомель, Пинск–Жабинка и Петербург–Тапс–Рига–Муравьев–Ковно, а также четырехкратном увеличении путей между Жабинкой и Брестом, Седлецом и Варшавой. Россия уже летом 1913 г., не дожидаясь окончательного оформления договоренностей, начала форсированное железнодорожное строительство. Предполагалось построить новые дороги: Рязань–Варшава, Лозовая–Ковель, Вильно–Ровно, Батраки–Пенза–Смоленск¹⁴.

Под «Кавказом» в документе значился потенциал Кавказского военного округа, куда входили также силы, которые в случае необходимости могли быть развернуты на Балканах. Удивительно, что в период, когда балканский полуостров вновь полыхал в огне междоусобных конфликтов, и градус напряженности поднимался с невероятной скоростью, военные ведомства отводили этому региону лишь третье место в списке опасных для России зон.

Угроза западной границы еще раз подтвердилась как раз во время подготовки проекта мобилизации, осенью 1912 г. Как известно, во время Первой балканской войны объединенные силы балканских государств захватили большую часть европейской Турции. Усиление сербов на берегах Адриатики вызвало серьезные опасения в Вене. Австрия провела мобилизацию части своих вооруженных сил для сосредоточения их на сербской границе. Кайзер Вильгельм II выражал готовность поддержать Вену. Во время визита 22 ноября 1912 г. наследника Австро-Венгерского престола Франца-Фердинанда в Берлин и его переговоров с Мольтке и канцлером Бетманом-Гольвегом обсуждались стратегические планы на случай большой европейской войны. Для России тогда резко встал вопрос об объявлении мобилизации военных округов на границе с Австро-Венгрией. Царь собрал чрезвычайное совещание. Война, казалось, неминуемо надвигается на Европу. Но В.Н. Коковцов, председатель Совета министров, смог убедить собравшихся, что Россия не готова к ведению масштабных военных действий, военная организация страны находится в неудовлетворительном состоянии: «Нужно не шуметь и не бряцать оружием. В условиях начавшейся модернизации русской армии – быть особенно сдержанным во внешней политике»¹⁵. В итоге русская дипломатия смогла найти общие точки соприкосновения с австрийцами. Между Веной и Петербургом было принято решение выступить с заявлением о нерушимости территориального status quo¹⁶.

Этот шаг вызвал в балканских столицах резкую критику российской политики и откровенное разочарование. Министр иностранных дел С.Д. Сазонов в циркулярном письме руководителям дипломатических миссий признавал, что в это время «раздавались упреки в том, будто война явилась для нас полною неожиданностью, что с нашей стороны произошло полное охлаждение к заветам прошлого, что Россия вступила в соглашение с Австрией, предавая интересы славян, и, наконец, что мы чуть ли не взяли на себя обязательство перед Европою – силою лишить балканские государства плодов их усилий и жертв». В ответ на большую критику и обвинения в предательстве славянских братьев, развернутую в русской и славянской прессе, С.Д. Сазонов спокойно отмечал: «На многих из этих упреков не стоило бы даже останавливать серьезного внимания»¹⁷. Тем не менее было достигнуто главное – устранение угрозы российско-австрийского военного столкновения, которое повлекло бы за собой неотвратимо большую европейскую войну.

В этом же году Петербург потряс один из первых громких шпионских скандалов. Жандармский подполковник С.Н. Мясоедов, служивший при военном министре и бывший с ним в самых дружеских отношениях, был обвинен журналистами в шпионаже в пользу Австро-Венгрии. «Дело Мясоедова» получило громкую огласку благодаря Государственной думе и прессе, которые требовали отставки военного министра В.А. Сухомлинова. Но Николай II тогда защитил своего доверенного министра. Жертвой этой акции стал помощник военного министра А.А. Поливанов, которого прочили на его место. Царь, напротив, отправил в отставку А.А. Поливанова. Вина же С.Н. Мясоедова осталась недоказанной. Все эти эпизоды на фоне серьезных обострений российско-австрийских дипломатических отношений во время Первой и Второй балканских войн вызывали ощущение опасности и крайней напряженности между Петербургом и Веной.

Таким образом, мобилизационные планы показывают, что в период 1910–1913 гг. в высших эшелонах власти России, несмотря на многочисленные мнения и противостоящие группировки, уже сложилось довольно устойчивое представление о том, что будущая война развернется на западной границе. Туда предполагалось стягивать основные средства и ресурсы. На мобилизационные мероприятия по периметру западной границы предполагалось потратить сумму, превышающую мобилизации по трем другим направлениям, вместе взятым. Именно западная граница была признана наиболее вероятным местом будущих военных действий, откуда исходит самая серьезная опасность для России. Соответственно, Германия и ее союзница – Австро-Венгрия воспринимались как главная угроза безопасности страны.

Прогноз будущей европейской войны от Морского Генерального штаба России (1912 г.)

При исследовании различных «моделей реагирования» особенную ценность представляет логика мышления военно-политических элит. Сквозь бюрократический язык документа проступает та картина мира, которая формировалась в сознании военных экспертов под влиянием текущей оперативной и дипломатической информации. Та сложная система выстраивания отношений «противник–союзник–нейтральное государство», которая динамично выстраивалась в мире под влиянием блоковой дипломатии.

3 февраля 1912 г. в Министерство иностранных дел к С.Д. Сазонову поступил секретный документ № 10 под названием «Памятная записка по поводу закона о флоте и судостроительной программы». Она разрабатывалась экспертами Морского Генерального штаба в 1911–1912 гг. Ее инициатором стал контр-адмирал князь А.А. Ливен, начальник штаба. Записка была полностью подготовлена 30 января 1912 г., получила одобрение морского министра И.К. Григорovichа и по его указанию отослана министру иностранных дел.

Выходец из старинного курляндского рода, А.А. Ливен воспитывался в Германии, в берлинском кадетском корпусе. За его плечами была служба в Сибирской флотилии, на Балтийском флоте. 18 лет он провел на палубе корабля, по праву имел высокую репутацию боевого флотского офицера. Во время русско-японской войны командовал минной обороной Порт-Артура, затем дивизионом миноносцев. За храбрость был награжден золотым оружием. А.А. Ливен относился к когорте строевых адмиралов, по праву считавшихся гордостью русского флота.

После войны с Японией начался новый период его жизни. В 1908 г. он был прикомандирован к Морскому Генеральному штабу и в 48 лет был назначен председателем комиссии по описанию русско-японской войны. С этого времени князь А.А. Ливен стремился весь свой накопленный опыт направить на модернизацию флота. Популярной среди флотских офицеров была его книга «Дух и дисциплина нашего флота» (1908; 1914). Его карьера в высших эшелонах стремительно набирала силу: в 1908 г. он был назначен командиром 1-й минной дивизии Балтийского флота, а уже через три года исполнял обязанности начальника Морского Генерального штаба¹⁸.

В записке А.А. Ливена был сделан общий военно-стратегический анализ международной ситуации и описан наиболее вероятный сценарий ее развития. Особое внимание было уделено роли России. Этот документ представляет собой один из ярких примеров военно-политических прогнозов кануна Первой миро-

вой войны, составленных в духе популярных тогда маринистских концепций. В нем настоятельно подчеркивалась мысль, что общеевропейская война может успешно вестись только при условии сильного флота.

Но в России, как с горечью констатировал А.А. Ливен, «морское ведомство бойкотировалось со всех сторон». Поворот наметился только в 1910–1911 гг., когда были заложены четыре броненосца, и впервые была принята пятилетняя программа усиленного судостроения. Предполагалось к 1915 г. ввести в строй первую серию броненосцев, через год – вторую серию броненосных крейсеров¹⁹. Для сравнения уже в 1912 г. Германия, увеличивая ассигнования на морской флот с конца XIX в., смогла резко подняться в ряду морских держав с 6-го на 3-е место²⁰.

Отмечая невероятную динамику экономики Германии и возрастающую конкуренцию между Англией и Германией, А.А. Ливен делал вывод: «Состязание это ведется столь успешно с немецкой стороны, что Англия может в один прекрасный день для сохранения своего народного благосостояния, увидеть себя вынужденной прибегнуть к политическим репрессиям, и тогда неминуемо последует вооруженное столкновение». Рано или поздно оно неизбежно произойдет, поскольку «к этому решению уже многие годы явно и откровенно готовятся обе стороны»²¹. Особое внимание было уделено будущему России, для которой исход битвы двух европейских гигантов имел бы жизненно важное значение. Не вызывало сомнений, что с увеличением могущества Германии Россия окажется в изоляции и будет вытеснена из круга великих держав.

Сквозь призму будущего А.А. Ливен констатировал, что в современном мире есть только четыре основных государства – Германия, Англия, Франция и Россия. Но только от англо-германских взаимоотношений зависят все остальные международные интересы. Именно конкуренция между Германией и Великобританией приближает мир к большому конфликту «Тройственного союза против Тройственного Соглашения». В этом случае Россия не сможет избежать военного столкновения с Германией²².

Можно выделить несколько главных тезисов, выдвинутых А.А. Ливеном.

Во-первых, Германия является основным противником России. От нее исходит самая большая угроза российским жизненным интересам. В случае «немецкого господства над Балтийским морем, граница Германии начнется у Кронштадта и пройдет по всей нашей береговой черте. Двигаясь на Петербург, неприятельская армия проследует вдоль собственной базы и, кроме того, будет иметь возможность высадиться в непосредственной близости к столице,

укрепиться и уже оттуда начать операцию против войск, прикрывающих таковую. И тут-то повторится обстановка японской войны»²³.

Особо стоит обратить внимание на аргументацию, которая приводится в этом прогнозе. Как только Германия «политически достигнет гегемонии в Европе и окружит нас сплошным кольцом своего могущества от Норд-Капа до Малой Азии, Россия потеряет политическую самостоятельность <...> Уже теперь Швеция, Австрия и отчасти Турция находятся под немецким влиянием, Дания беспомощна перед своим великим соседом. Легко предвидеть, как Германская империя, оттеснив Францию и Англию к западу и сделавшись хозяином Немецкого моря и Английского канала, станет бесспорным вершителем судеб всех вышеупомянутых второстепенных государств. Тогда России, отделенной от остального мира сплошной полосой Германской империи, останется лишь смотреть на весь белый свет сквозь немецкие очки, и от доброй воли Германского императора будет зависеть решение, оставит ли он нам существовать в нынешнем виде или оттеснит нас от берегов Балтийского и Черного морей в глубину нашей равнины, где для нас наступит новый многовековый период одичания»²⁴. В этих словах проступает основной русский геополитический страх – потерять территории и морские пути, оказаться зажатыми на евразийском пространстве без прямых выходов в Европу.

Прогноз с предельной ясностью показывал, что Россия встанет перед вызовом самому своему существованию. В случае войны Германия будет стремиться вытеснить Россию с берегов Балтийского моря. Соответственно «балтийский вопрос» был чреват для России потенциальной германской угрозой. Недаром А.А. Ливен упомянул недавнюю войну с Японией.

Еще сравнительно недавно, в первое десятилетие XX в., российская дипломатия колебалась между двумя центрами мировой силы – англо-французским союзом и Германией. Петербург, подобно маятнику, отклонялся то в одну, то в другую сторону.

Как известно, после неудачи с Японией Россия решилась на кратковременное дипломатическое сближение с Германией, пытаясь разрешить возможные морские конфликты мирным путем.

Осознавая, что именно Балтийское море может стать в ходе германской экономической экспансии яблоком раздора между Россией и Германией, Петербург пошел на подписание ряда секретных протоколов и деклараций о соблюдении status quo в его акватории. Эти документы, подписанные Россией и Германией, а также еще двумя прибрежными государствами Балтики – Швецией и Данией в 1907–1908 гг., констатировали «наличие полной общности интересов» в балтийской политике и стремление к

поддержанию «теперешнего территориального порядка вещей»²⁵. Хотя особого практического значения договоренности не имели, обе страны тайно и явно делали шаги навстречу, зондируя интересы друг друга.

Очередной поворот в дипломатии России произошел в 1910 г., когда во время встречи в октябре в Потсдаме Вильгельм II предложил Николаю II заключить соглашение о взаимном нейтралитете в случае международного кризиса в Европе. Получив столь откровенное предложение, которое перечеркнуло бы союзнические соглашения с Францией и Великобританией, Николай II его отверг. «Потсдамское свидание» стало своеобразным рубежом в российско-германских дипломатических отношениях²⁶.

Памятная записка контр-адмирала А. Ливена, датированная февралем 1912 г., еще несла на себе отпечаток прежних дипломатических колебаний. В среде высших морских офицеров господствовали антигерманские настроения, поэтому он столь эмоционально и настойчиво доказывал губительность для России сохранения нейтралитета в случае европейской войны. Недоверие к германской политике и опасение германской угрозы, как лейтмотив, постоянно звучат в этом тексте.

В этой связи важен один эпизод в российско-германских дипломатических отношениях. Во время посещения Берлина в 1913 г. председатель Совета министров В.Н. Коковцов убеждал Вильгельма II и канцлера Бетмана-Гольвега в том, что России нужен сейчас мир, как никакой другой великой державе. Наметившийся экономический подъем требует больших вложений и политической стабильности. Так же миролюбиво отвечал ему и немецкий император. Обе стороны сделали вид, что поверили друг другу. Но, выступая перед русской делегацией, Вильгельм II не смог сдержаться и откровенно высказался о состоянии российско-германских отношений: «Я должен только сказать вам прямо – я вижу надвигающийся конфликт двух рас: романо-славянской и германизма, и не могу не предvarить вас об этом <...> Если война неизбежна, то я считаю безразличным, кто начнет ее»²⁷.

Во-вторых, Россия должна укреплять стратегический союз с Англией. Это сближение «следует всячески поддерживать», чтобы «не потерять Прибалтийский край с Петербургом»²⁸. В доказательство был приведен сценарий будущей войны, разработанный А.А. Ливеном. Начиная войну против Англии, Германия сначала займет Голландию и Бельгию. Англия и Франция будут вынуждены ответить. Тогда последует прямое столкновение англичан и немцев в Ла-Манше. Далее война распространится на все морское пространство. Предстоящее кровопролитие будет длительным и

изматывающим. Победит тот, кто будет иметь глубокий тыл и значительные внутренние ресурсы.

Русские прекрасно осознавали сильные и слабые стороны германской армии. Хорошо оснащенная и обученная сухопутная армия Второго Рейха могла рассчитывать на успехи в континентальных сражениях. Но Англия превосходила ее своим флотом. В прогнозе предсказывалось, что, обрушив на Францию сухопутную силу, Германия не сможет долго противостоять Англии на море: «Надеясь с помощью союзников и превосходной численностью своих сухопутных сил сокрушить Францию и задержать всякое вмешательство со стороны России, она, однако, не может рассчитывать на успех наступательных действий в море»²⁹.

Будущая война будет вестись на два фронта. Россия, связанная союзным договором с Францией, будет обязана выступить на стороне Антанты против Германии и Австро-Венгрии. Другого не дано, поскольку нейтралитет в этой войне равносителен тому, чтобы Россия «согласилась участвовать в сооружении собственного гроба»³⁰.

Но необходимо учитывать, что на западном фронте Англия и Франция будут воевать вместе, а на восточном фронте Россия останется один на один с Германией и Австро-Венгрией. Более того – «будет совершенно изолирована от наших союзников».

В записке А.А. Ливена весьма скептически расценивались военные возможности Франции: «От Франции навряд ли можно ожидать энергичных действий. Республика с демократическим правительством, политика которой находится с одной стороны под влиянием еврейских финансистов, а с другой – под давлением общественного мнения, не способна к военной инициативе»³¹.

Русские больше доверяли французам, чем англичанам, легче договаривались с ними по спорным вопросам. Российско-французская дипломатия, активная и очень дружественная в этот период, основывалась на обоюдном прагматичном интересе. Франции нужны были полные гарантии, что в случае войны с Германией Россия сразу же двинет многочисленные массы своих солдат на западную границу. Русская армия должна была оттянуть на себя германские и австро-венгерские части с западного фронта. А русскому правительству нужны были французские капиталы для инвестирования в проекты модернизации³².

Англии же отводилась совершенно особая роль союзника, сильного в военном отношении, от действий которого во многом будет зависеть исход европейской войны. В стратегическом отношении военный союз с Англией имел для русских неизмеримо большее значение. А.А. Ливен делал вывод, что России следует «поддерживать Англию в этой борьбе, но, не имея флота, мы ничего предпри-

нять не можем, а только рискуем потерять Прибалтийский край с Петербургом, так как защищать побережье сухопутными силами физически невозможно»³³.

В-третьих, России следует всеми способами избегать возможных военно-политических осложнений, потому что к будущей войне страна не готова. Анализируя вероятный сценарий большой войны, А.А. Ливен не скрывал, что для России она будет тяжелейшим испытанием. Не только потому, что «мы будем удалены от наших союзников», но прежде всего, из-за отсутствия сильного флота. По его расчетам, России потребовались бы 10–20 лет на реализацию полноценной программы строительства современного флота. Поэтому он настаивал, что в ближайшей перспективе наступление войны необходимо оттягивать всеми возможными способами.

В-четвертых, подчеркивалась особая значимость черноморских проливов для российских геополитических интересов.

Проблема черноморских проливов была самым тесным образом связана для российской политики с ситуацией на Балканах, стратегическими интересами в Средиземноморье, и, конечно, экономическими выгодами от черноморской внешней торговли. Помимо стратегического значения, Черное море давало России огромный экономический эффект. Уже к 1910 г. вывоз его портов составлял 43,3% всего русского экспорта.

А.А. Ливен подчеркивал: «Сообщение с внешним миром нашей родины ограничено двумя узкими проливами: Босфором и Бельтом. Для развития нашей экономической и торговой самостоятельности необходимо, во что бы то ни стало, держать их открытыми. Пока равновесие сил европейских держав не позволяет одной из них сделаться исключительно хозяином этих проливов, наше собственное влияние может обеспечить нам сравнительно свободное сообщение»³⁴.

Но если в этом документе он ограничился выделением темы проливов в контексте внешнеполитических интересов России, то уже осенью 1912 г. в связи с дипломатическими дискуссиями вокруг перекраивания карты европейской Турции, поставил ее в ряд ключевых стратегических направлений российской политики. С.Д. Сазонову необходимо было получить военно-морскую экспертизу, чтобы определить позицию и интересы России перед Лондонским совещанием послов.

А.А. Ливену было поручено подготовить соображения относительно геополитического положения проливов. Этот вопрос обсуждался, по-видимому, в самом спешном порядке. 25 ноября 1912 г. была подготовлена записка А.А. Ливена и записка Немица, и в этот же день морской министр И.К. Григорович направил ее в министерство иностранных дел.

А.А. Ливен настойчиво подчеркивал геополитическую значимость вопроса о проливах: «Положение, созданное войной на Балканах, снова выдвигает вопрос о Босфоре и Дарданеллах. В виду исторического стремления России к свободному выходу в Средиземное море и возможности в ближайшее время сделать дальнейший шаг к достижению этой заветной цели, надлежит тщательно обдумать каждое наше движение, чтобы действительно расчистить себе кратчайший путь к успеху, а не создавать основания будущих преград. <...> Очевидно, что при такой обстановке обеспеченное сообщение Черного моря с внешним миром уже является и в будущем явится в неизмеримо большей степени вопросом первостепенной важности для свободного развития нашего государства»³⁵.

Он считал, что для России важно «присоединить к государству не только Малую Азию и Балканский полуостров, но и все острова греческого архипелага, не исключая Крита, при непрременном условии господства над Черным и Эгейским морями посредством первоклассного флота». Но такое решение вопроса «вряд ли окажется и в будущем осуществимым для одной России»³⁶. При современном состоянии русского флота бесполезно даже пытаться захватить ближайшие к проливам территории на европейском и малоазиатском берегах. А.А. Ливен был против проектов захвата Верхнего Босфора. Но настаивал на том, чтобы российская дипломатия не допустила усиления какой-нибудь одной державы в районе проливов. Желательно было оставить их у самой слабой – Турции.

Такую же рекомендацию морское министерство дало С.Д. Сазонову в вопросе о судьбе островов Эгейского моря, захваченных Грецией. Смысл сводился к тому, что с точки зрения российских геополитических интересов было безразлично – будут ими обладать Греция или Турция, но только не Австрия. А.А. Ливен давал устные разъяснения по этому поводу управляющему отделом Ближнего Востока князю Трубецкому. Его мысли были учтены при формировании общей позиции русской делегации на совещании послов в Лондоне. Россия готова была передать острова Греции при условии их полной нейтрализации и уничтожения военно-морских укреплений³⁷.

Таким образом, рассмотренные документы, подготовка которых проходила примерно в один период – с 1910 г. до весны 1913 г., позволяют сделать вывод, что в высших политических и военных кругах России не исключалась вероятность общеевропейской войны уже в краткосрочной перспективе. В записке А.А. Ливена с достаточной точностью был предсказан ход будущих военных действий. Действительно, в Первой и Второй мировых войнах Германия стремилась отсечь Россию от Балтийского побережья и захватить

Петербург. Именно западная граница становилась ареной ожесточенных сражений. Но Россия, обладая колоссальными людскими ресурсами и обширным пространством, в военно-техническом отношении серьезно отставала как от основного противника – Германии, так и от главной союзницы – Великобритании. «Балтийский вопрос» для российской политики имел не только торгово-экономическое значение. Выход к северо-западным морским путям означал вовлеченность России в большую европейскую политику. Не менее значимы были средиземноморские и азиатские морские пути, выход в которые был возможен через узкую полосу проливов Босфор и Дарданеллы. Петербург был готов идти на создание своей системы сдержек и противовесов на Балканском полуострове, чтобы не допустить чьего-либо протектората над проливами.

Геополитический подход А.А. Ливена получил одобрение высших чиновников. Тогда же он был возведен в ранг вице-адмирала и до лета 1912 г. много усилий положил на разработку малой судостроительной программы, которая прошла утверждение в Государственной думе. Хотя осуществить это было трудно. Большинство лидеров партий, памятуя разгром флота во время русско-японской войны, скептически относилось к планам его восстановления и модернизации. В.Н. Коковцов во многом способствовал тому, чтобы масштабная военно-морская программа, которая требовала почти полмиллиарда рублей, была утверждена. Бюджетные дискуссии отшумели. Но России так и не осталось времени для реализации планов модернизации флота. А.А. Ливен рассчитывал создать сильный флот ко второму десятилетию XX в.

Князь А.А. Ливен умер неожиданно, при невыясненных обстоятельствах в 1914 г., как раз накануне Первой мировой войны. Он срочно возвращался в поезде из отпуска в Венеции в Петербург.

Особое Совещание 31 декабря 1913 г.

В европейских столицах прекрасно понимали идею-фикс русских относительно проливов. Всякий раз, когда одна из великих держав пыталась сблизиться с Россией, то, как правило, предлагала дипломатическую поддержку в вопросе о статусе проливов. Так действовал Наполеон III сразу после Крымской войны, затем – в 1860–1870-е годы австро-венгерская дипломатия, кайзер Вильгельм II на рубеже веков; наконец, во время Первой мировой войны карту проливов разыгрывала французская политика.

Тактика России на Балканах в это время выстраивалась в зависимости от конкретной геополитической ситуации, но сохранялись

два регулирующих принципа – приоритет собственных интересов и сохранение равновесия сил в регионе. Россия стремилась не допустить чрезмерного усиления одного из балканских государств или одной великой державы. Поэтому так ревниво и жестко относился Петербург к австрийским политическим комбинациям на балканском полуострове, а также к любой угрозе появления «гегемона на Балканах»³⁸.

В высококомпетентном исследовании В.Н. Виноградова «Черноморские проливы, конец XIX в.: взгляд из Петербурга и из Лондона» показана дискуссия в российской историографии относительно роли проливов для российской имперской политики. Он критически оценивает подход исторической школы М.Н. Покровского, согласно которому вопрос о проливах рассматривался как ключевой для всей внешней политики России. В.Н. Виноградов пишет: «Живучести представления о доминирующей роли Проливов и заботах ведомства на Певческом мосту способствовало чуть ли не массовое сочинительство проектов их захвата – маниловщина ведь явление типичное, прожектерство свойственно человеческой натуре, особенно русской. Исследователи же проявляли, а на Западе проявляют склонность представить частное творчество того или иного чиновника, даже высокопоставленного, за выражение официального внешнеполитического курса»³⁹. И все же дипломатические источники, особенно первых десятилетий XX в., убеждают нас в том, что не случайно в российских исторических исследованиях возник довольно устойчивый «флюс» (по выражению В.Н. Виноградова) относительно проливов.

С этой темой связан еще один сюжет, точнее сценарий несостоявшейся войны. Его можно обнаружить в записи Особого совещания российских министров от 31 декабря 1913 г. Она помогает лучше понять логику внешнеполитического планирования в высших эшелонах власти.

31 декабря 1913 г. в Петербурге состоялось Особое совещание глав силовых министерств России под председательством статс-секретаря В.Н. Коковцова. Поводом послужила всеподданнейшая записка министра иностранных дел С.Д. Сазонова, разосланная за неделю до совещания. Министры должны были обсудить ряд поставленных в ней тезисов и выработать согласованную позицию. Экстренность этого заседания как раз накануне Нового года объяснялась рядом обстоятельств.

Российский императорский кабинет чрезвычайно волновали действия германской военной миссии в Константинополе. С октября 1913 г. российское посольство вело в Берлине тайные переговоры, действуя через ближний круг кайзера Вильгельма. Россия не могла примириться с тем, чтобы германский генерал Лиман фон Сандерс

командовал первым корпусом турецкой армии в Константинополе, а его сопровождало сорок «лучших офицеров германской армии». По мнению военного министра В.А. Сухомлинова, Германия замышляла реорганизацию турецкой армии, а это могло вызвать появление новой угрозы на кавказской границе России⁴⁰. Петербург настаивал на отставке генерала Сандерса. Но переговоры в Берлине не давали ощутимых результатов. Отчаявшись воздействовать на Берлин переговорными методами, С.Д. Сазонов предлагал министрам сообща выработать «способы понуждения Турции».

Здесь необходимо сделать отступление, чтобы описать непростую ситуацию в личных и служебных отношениях, сложившуюся между участниками этого совещания. Все они относились к самой высшей, узкой прослойке царской бюрократии, в которую входили только лица, принимавшие ответственные политические решения, делавшие регулярные доклады императору и владевшие большим объемом информации государственного уровня.

Ведущую роль в дискуссии, состоявшейся между ними 31 декабря 1913 г., играл В.Н. Коковцов, сделавший за короткий срок блестящую государственную карьеру⁴¹. Его продвижению во многом содействовал С.Ю. Витте, после отставки которого В.Н. Коковцов был назначен министром финансов. С 1911 г. став председателем Совета министров, он сохранил за собой также и министерство финансов, тем самым объединив в своих руках важнейшие государственные функции. Но не смог удержаться на такой высоте. Через три года, в 1914 г., был уволен царем со всех своих должностей. Вплоть до крушения империи находился в полуопале.

Причин крушения столь блистательной карьеры было много. Одна из них – стремление В.Н. Коковцова самостоятельно влиять на внешнеполитические стратегии России. Он был убежденным противником втягивания страны в вооруженные конфликты, неоднократно публично заявлял: «Я – убежденный враг войны и считаю постоянное усиленное вооружение в некоторых странах опасным до последней степени»⁴². Но это не мешало В.Н. Коковцову с таким же убеждением отстаивать многомиллионные программы военной модернизации для России. Тем не менее он относился с большим недоверием к действиям министра иностранных дел С.Д. Сазонова, считая его сторонником «воинственного национального курса». Все более расширяя сферу своего влияния на дипломатию, В.Н. Коковцов активно принимал у себя послов великих держав, позволял высказывать в беседе с ними свои идеи, не очень считаясь с курсом, проводимым С.Д. Сазоновым.

Возможно, В.Н. Коковцов обладал большим дипломатическим талантом и тактом, чем министр иностранных дел. Ему действи-

тельно удавалось провести успешные переговоры в сложнейших ситуациях и достичь *modus vivendi*. Но слишком самостоятельная позиция не соответствовала тем меркам, которые Николай II в поздний период империи отводил для своих министров. С осени 1913 г. царь стал уже открыто проявлять недоверие к В.Н. Коковцову и отчасти даже ревность к его внешнеполитическим контактам. Ему был предложен трудный пост посла в Берлине для благовидного удаления из столицы. Но он отказался, сославшись, что более необходим здесь, в Петербурге⁴³. Все это серьезно обострило его отношения с двумя основными участниками совещания в канун нового года в Петербурге – с С.Д. Сазоновым и военным министром В.А. Сухомлиновым, которые хорошо знали расклад в придворных сферах и с нескрываемой радостью ожидали близкое падение председателя Совета министров.

Более того, В.Н. Коковцов прекрасно осознавал настроения при дворе и фаталистическое восприятие Николаем II кризисной международной ситуации. После поездки в Берлин, где он пытался убедить Вильгельма II в необходимости свернуть миссию генерала фон Сандерса в Константинополе, царь принял его в Ливадийском дворце в Крыму. Это был один из последних его докладов императору. В.Н. Коковцов рассказывал о встречах в Берлине, настроениях при дворе Вильгельма II, тревожном впечатлении о близости и неотвратимости войны. Николай II довольно равнодушно выслушал рассказ: «Он ни разу не прервал меня за все время моего изложения и упорно смотрел прямо мне в глаза, как будто ему хотелось поверить в искренность моих слов. Затем, отвернувшись к окну, у которого мы сидели, он долго всматривался в расстилавшуюся перед ним безбрежную морскую даль и, точно очнувшись после забытья, снова упорно посмотрел на меня и сказал приведенные уже мной его слова, закончивши их загадочной мыслью: “На все Воля Божья!”»⁴⁴.

В последний день декабря 1913 г. высшим чиновникам России предстояло также обсудить вопрос о неотвратимости военных действий.

Их дискуссия была подробно зафиксирована в журнале Особого совещания, составленном сотрудниками первого департамента МИД статским советником Бюцовым и титулярным советником Сукиным. Она проливает свет на отношение русской политической элиты к перспективе общеевропейской войны.

Ситуация в Константинополе вокруг германской военной миссии была накалена до предела. Предполагалось, что на этом совещании будут разработаны предложения, с которыми российский кабинет обратится к своим союзникам – Англии и Франции для

консолидированного воздействия на Турцию и Германию. Первой мерой мог стать, по предложению С.Д. Сазонова, финансовый бойкот, затем – отзыв дипломатических представителей стран Антанты из Константинополя. В качестве крайней меры не исключались и военные действия. Было выдвинуто предложение, чтобы десант с русских судов занял Трапезунд. В это время английский флот мог бы захватить Бейрут или Смирну. С.Д. Сазонов успел переговорить с английским послом Дж. Бьюкененом и нашел у него понимание.

Этот план войны на Босфоре был с воодушевлением воспринят военным и морским министрами, а также начальником Генерального штаба Я.Г. Жилинским. Военные сразу стали обсуждать стратегические возможности флотского десанта, а также важность усиления численности войск Кавказского военного округа⁴⁵.

Генерал Жилинский располагал агентурными сведениями о том, что Турция готовится к войне с Грецией. Момент выбран удачно, поскольку турки не смогут оказать серьезного сопротивления, когда русские войска двинутся к Баязиду. Он считал, что необходимо блокировать турецкий флот, чтобы воспрепятствовать переброске турецких войск в Малую Азию через Черное море. Черноморский флот России нужно повести к Босфору, чтобы держать Константинополь под страхом удара. Эту мысль сразу поддержал С.Д. Сазонов, предположивший, что демонстрация силы на Босфоре может вызвать смятение в турецкой столице и даже революцию.

Между министрами, все более вдохновлявшимися перспективой победоносной войны, только В.Н. Коковцов сохранял повышенную осторожность. Он трезво рассуждал, что решительные военные действия России повлекут военное вмешательство Германии. В конечном счете все это может привести к крупному общеевропейскому конфликту⁴⁶. Он прямо поставил перед министрами вопрос: «Желательна ли война с Германией и может ли Россия на нее идти?»

Тогда мнения резко разделились. С.Д. Сазонов разделял позицию В.Н. Коковцова о «принципиальной нежелательности войны с Германией», но в то же время считал, что Россия уже в состоянии успешно вести такую войну. Военный министр и начальник Генерального штаба вообще «категорически заявили о полной готовности России к единоборству с Германией, не говоря уже о столкновении один на один с Австрией»⁴⁷.

Особо интересна логика рассуждений министра иностранных дел С.Д. Сазонова, который считал, что «в действительности для Германии не представляется особенно опасным выступление России при поддержке одной лишь Франции. Обе державы вряд ли способны нанести Германии смертельный удар, даже в случае успехов на поле сражения, являющихся всегда гадательными. Борьба же при

участии Англии может явиться роковой для Германии, которая ясно сознает опасность быть доведенной при английском выступлении в шестинедельный срок до полной социальной внутренней катастрофы. Англия страшна Германии, и в сознании этого кроется причина ненависти, питаемой немцами к растущей мощи Великобритании»⁴⁸.

С.Д. Сазонов имел твердое убеждение в непреодолимой военной силе Англии. Но в отличие от памятной записки А.А. Ливена, в которой предсказывалась длительная и кровопролитная война, министр иностранных дел, по-видимому, предполагал, что конфликт будет разрешен в короткий срок. Эту же иллюзию «блицкрига» испытывали политики и военные не только в Петербурге, но и в Лондоне, Париже и Берлине. С.Д. Сазонов настаивал на прямых консультациях с Лондоном. Только при поддержке Англии и полной согласованности военных действий, Россия, по его мнению, может планировать занятие Трапезунда, Эрзерума и Баязида. Этот взгляд разделяли и все присутствовавшие военные на особом совещании⁴⁹. А начальник Генерального штаба даже настаивал на необходимости мобилизации Кавказского военного округа.

Только В.Н. Коковцов продолжал сохранять скептическое отношение к перспективе войны на Босфоре. Он предлагал ограничиться лишь финансовыми мерами воздействия на Турцию, не провоцировать Германию на активные военные действия. Но он остался в меньшинстве. Ему приходилось неоднократно охлаждать пыл министров, в воображении которых уже мелькали очертания Константинополя и плескались волны Босфора.

Подводя итоги дискуссии, В.Н. Коковцов довольно жестко подчеркнул, что считает «войну величайшим бедствием для России». Что говорилось другими в ответ на эти слова, запись умалчивает. Сохранилась лишь сухая констатация в журнале – «к каковому мнению присоединяются и остальные члены Совещания»⁵⁰.

Итоги были подведены В.Н. Коковцовым в нескольких тезисах. С одной стороны, в них была выражена мысль о необходимости «крайне осторожного и дружного образа действий, дабы избежать, если окажется возможным обострения конфликта, могущего иметь последствием общеевропейскую войну»⁵¹. Также подчеркивалось, что «в случае необеспеченности активного участия как Франции, так и Англии, не представляется возможным прибегнуть к способам давления, могущим повлечь войну с Германией»⁵². Соответственно предлагалось «в качестве первой действенной меры» объявить финансовый бойкот Турции после согласования позиций с Францией и Англией. Россия была готова разделить финансовую ответственность с Францией перед французскими держателями турецких государственных бумаг.

С другой стороны, в восьмом тезисе не исключалась вероятность военных действий. В случае невыполнения требования России об отставке германских командиров в Константинополе могли быть введены «известные подготовительные меры военного характера, как то: усиление частей на Кавказе» с возможно меньшей общественной оглаской. Особо обращает внимание следующая запись – «вслед за угрозой, если к таковой придется прибегнуть, можно было бы без задержки приступить к ее реализации»⁵³. Результаты совещания были подготовлены для представления Николаю II.

Более всего удивляет в этой ситуации одно обстоятельство. Россия приступила только в 1913 г. к реализации программ модернизации. Масштабные проекты по армии и флоту только проходили стадию утверждения, запускались отдельными частями. Еще не решены были вопросы по составлению смет и формированию организационных, институциональных структур. Среди военных экспертов, высших чиновников государства сложилось к этому времени отчетливое понимание, что России необходимо, по крайней мере, 5 лет на военную модернизацию. Все соответствующие документы проходили через канцелярии военного и морского министров, начальников их Генеральных штабов. Обладая всей необходимой информацией, реально представляя положение вещей в армии и на флоте, высшие военные чины все же рвались в бой. Ведь они твердо заявляли о готовности к войне, даже готовы были начать мобилизацию Кавказского военного округа, если ультиматум России не будет удовлетворен со стороны Германии. С каких позиций можно расценивать такую степень ответственности (или безответственности) за принятие столь важного для страны политического решения? Или играли роль другие факторы, более значимые для высшей бюрократии, чем военные расчеты и прогнозы?

В.Н. Коковцов в своих воспоминаниях с горечью вспоминал, что на совещании его никто не слушал. Другие министры настойчиво объясняли ему, что в основе его пессимизма лежит недоверие к силе и энергии русского народа. Уже в эмиграции, мысленно возвращаясь в этот декабрьский день кануна нового 1914 г., он несколько раз в мемуарах подчеркивал мысль о том, что оставался чуть ли не последним среди высшего чиновничества, который пытался убедить царя отказаться от идеи войны.

Понятно, что послевоенные воспоминания бывших деятелей рухнувшей империи – совершенно особый тип источника. Все они – В.Н. Коковцов, В.А. Сухомлинов, так же как и С.Д. Сазонов и многие другие, в мемуарах настаивали на собственном миролюбии и нежелании войны. Крах империи, падение дома Романовых и всех прежней жизни, тяжелые годы эмиграции наложили

особый отпечаток на их памяти. Во всех текстах подобного рода проводится мысль, что во всем виновата придворная камарилья во главе с царем и его дядей, Великим князем Николаем Николаевичем. Но В.Н. Коковцов, действительно, прилагал все возможные усилия, чтобы остановить маховик надвигающейся войны. Даже осознавая, что такая позиция лишь ускорит крушение его карьеры. Или уже понимая, что терять нечего, царь вычеркнул его из ближайшего круга.

Министры снова вернулись к обсуждению проблемы Босфора в начале февраля 1914 г. На этот раз чрезвычайное совещание собралось у С.Д. Сазонова. Военный министр В.А. Сухомлинов не принимал в нем личного участия. В мемуарах он подчеркивал, что якобы никогда не разделял идею высадки десанта: «наш десант на Босфоре – дорогая игрушка и, сверх того, может стать опасной забавой еще в течение долгого времени». Он даже упомянул, что пытался показать Николаю II все технические сложности подобной операции, но, по его словам, царь дал ему понять, что «идея и цель всего вопроса имеют такое доминирующее значение, что технические детали отходят на задний план»⁵⁴. Тем не менее на этом втором совещании 8 февраля 1914 г. мнения разошлись. Дипломаты требовали сосредоточения мобилизационных сил около 200 тыс. чел. для обеспечения их переброски через Черное море. Представитель морского министерства объяснял им невыполнимость этой затеи.

Несмотря на сильные течения при петербургском дворе и в министерстве иностранных дел, направленные на реализацию идеи «десанта на Босфоре», русской дипломатии не удалось получить поддержку даже у французов. В результате многочисленных консультаций Париж дал понять, что всякое вмешательство в пределы азиатской Турции неминуемо повлечет англо-французские противоречия в разделе Смирны или Бейрута. Постепенно шум вокруг миссии О. Лимана фон Сандерса утих. В январе 1914 г. он получил повышение и был назначен генерал-инспектором турецкой армии, под этим благовидным предлогом выведен из непосредственного руководства гарнизоном Константинополя.

Российский план «понуждения Турции» и военного десанта на Босфоре так и остался на бумаге, одним из многочисленных нереализованных проектов кануна Первой мировой войны. В статье были рассмотрены лишь некоторые из них, разработанные достаточно узким кругом лиц, принимавших ответственные политические решения или оказывавших на них прямое влияние. На основе проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

Во-первых, за период с 1910 по 1913 гг. в высших военных и дипломатических кругах России серьезно усилилось сознание «запад-

ной угрозы», исходящей от Германии и Австро-Венгрии. Если еще в 1912 г. Россия готова была к урегулированию международных конфликтов дипломатическими мерами, то уже к началу 1914 г. в высших эшелонах власти стала проявляться политическая воля и моральная готовность к большой европейской войне. Позиция союзников по Антанте, особенно Великобритании, играла в этой ситуации роль сдерживающего фактора.

Во-вторых, в последние предвоенные годы в российской элите сложилась внутренне противоречивая ситуация. Россия позже других великих держав приступила к модернизации армии и флота. Военные эксперты отчетливо осознавали всю ее неподготовленность к войне и серьезную опасность для нее быть втянутой в затяжную европейскую войну. Но великодержавные амбиции при дворе и опасения высших военных чинов оказаться в опале фактически перекрывали все прагматичные расчеты и надежды на реальный успех военной модернизации.

В-третьих, представленная статья не претендует на участие в историографической дискуссии о роли проливов во внешней политике России. Но как представляется, вопрос о проливах имел не только важнейшее экономическое и геополитическое значение. Подобно «Балтийскому вопросу», «проливы» были для всей российской системы своеобразными кодами великодержавности, каналами глобальных коммуникаций между Востоком и Западом. Это формировало особую чувствительность российской политики к любым новым явлениям, которые могли бы изменить status quo в их акваториях не в ее пользу.

Примечания

- ¹ Bayerische Dokumente zum Kriegausbruch und zum Versailler Schuldspruch im Auftrage des Bayerischen Landtages. München; Berlin, 1922. IX. S. 197; Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Wien, 1915. XII. S. 115 (Österreich-Ungarn Rotbuch); Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Ergänzungen und Nachträge zum Österreich-Ungarischen Rotbuch. Bd. 1–3. Wien, 1919 (Republik Österreich. Staatsamt für Äußeres); British Documents on the origins of the war. 1898–1914 / Ed. by G.P. Gooch. Vol. 1–11. L., 1926–1938; Österreich-Ungarn Aussenpolitik von der bosnien Krise 1908 bis zum Kriegausbruch 1914. Diplomatische Aktenstücke des Österreich-Ungarischen Ministeriums des Äußeren. Ausgewählt von L. Bittner. Bd. 1–9. Wien; Leipzig, 1930; Zur europäischen Politik 1897–1914. Unveröffentlichte Dokumente. Im amtlichen Auftrage hrsg. unter Leitung von B. Schwertfeger. Bd. 1–5. Berlin, 1919 (Документы бельгийского Министерства иностранных дел).

- ² *Покровский М.П.* Предисловие // Красный Архив. М., 1922. Т. 1. С. 5. В.В. Похлебкин сделал интересное наблюдение, что в первые послевоенные десятилетия определения войны на Западе и в советской России существенно различались. С 1918 г. органично закрепилось понятие «мировая война» (*Der Weltkrieg; World War; La Guerre Mondiale*). Но в зарождавшейся советской историографии с 1918 по 1932 гг. были распространены такие определения, как «четырёхлетняя война 1914–1918 гг.», «первая империалистическая война». Только с 1939 г. в общественной лексике стало появляться понятие «первая мировая война», которое окончательно утвердилось лишь с 1954 г. (*Похлебкин В.В.* Внешняя политика Руси, России и СССР за 1000 лет в именах, датах, фактах. Вып. 2. Кн. 3. М.: Международные отношения, 1999. С. 13)
- ³ *Gentile E.* Politics as Religion. Princeton: Princeton University Press, 2006. P. XVIII.
- ⁴ Можно указать только некоторые: История дипломатии. Т. 2: Дипломатия в новое время. 1872–1919 / Под ред. В.П. Потемкина. Сост.: В.М. Хвостов, И.И. Минц. М; Л.: Госполитиздат, 1945; В «пороховом погреб» Европы. 1878–1914 / Ред. В.Н. Виноградов, В.И. Косик и др. М.: ИНДРИК, 2003; *Шацкило К.Ф.* Россия перед первой мировой войной. М.: Наука, 1974; *Сказкин С.Д.* Конец австро-германо-русского союза. М.: Наука, 1974; История внешней политики России. Конец XIX – начало XX в. М.: Международные отношения, 1997; Российская дипломатия в портретах. Ч. 4. Участие России в борьбе за передел мира / Под ред. А.В. Игнатьева и др. М.: Международные отношения, 1992. С. 279–373; *Bridge F.R.* The Habsburg Monarchy among the Great Powers 1815–1918. Oxford: Berg Publishers, 1990; *Die letzten Jahre der Donaumonarchie*. Hrg. Von M. Cornwall. Wegberg: Magnus-Verlag, 2004; *Clay C.* König – Kaiser – Zar. Drei königliche Cousins, die die Welt in den Krieg trieben. München: C. Bertelsmann Verlag, 2008. S. 494 (1 Auf., L., 2006).
- ⁵ См. подробнее: *Лукашевич А.М.* Предисловие // Владимир Александрович Сухомлинов. Воспоминания. Минск: Харвест, 2005. С. 3–35.
- ⁶ *Жилин А.* Большая программа по усилению русской армии // Военно-исторический журнал. 1974. № 7. С. 20–29.
- ⁷ См. об Александре Сергеевиче Лукомском (1885–1917) подробно: *Шендриков Е.А.* Военно-государственная деятельность генерала А.С. Лукомского (1885–1917). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2003.
- ⁸ О подготовительном к войне периоде // АВПРИ. Ф. 138. Секретный архив. Оп. 467. Ед. хр. 303/306. Л. 3.
- ⁹ Там же. Л. 14.
- ¹⁰ О Якове Григорьевиче Жилинском см. подробнее: *Базанов С.Н.* Начальник Генерального штаба от кавалерии Я.Г. Жилинский // Военно-исторический журнал. 2002. № 10 (510). С. 22–35.
- ¹¹ *Сухомлинов В.А.* Воспоминания. Берлин, 1924; 2-е изд.: М.; Л., 1926. С. 215.
- ¹² Там же. С. 217.
- ¹³ Там же. С. 218.

- ¹⁴ Там же. С. 222–223. См. также: Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского Российского министерства иностранных дел. М.: Издательство Народного комиссариата по иностр. делам, 1922.
- ¹⁵ *Коковцов В.Н.* Из моего прошлого. Воспоминания 1911–1919 / Сост. С.С. Волк. М.: Современник, 1991. С. 19–20.
- ¹⁶ Вопрос о status quo не имел принципиального значения для всех великих держав в этот период. Но договоренности подразумевали, что в случае нарушения status quo будут соблюдены следующие принципы: 1) незаинтересованность великих держав в территориальных приращениях; 2) принцип равновесия компенсаций между балканскими государствами (циркулярное письмо мин. ин. дел в Париже, Лондоне, Берлине, Вене, Риме, Константинополе; посланникам в Софии, Белграде, Цетинье, Афинах и Бухаресте. СПб., 18 (31) октября 1912 г. № 6782 // Красный Архив. М., 1926. Т. 3 (16). С. 15.
- ¹⁷ Там же. С. 15.
- ¹⁸ Об Александре Александровиче Ливене (1860–1914) см.: Словарь биографический морской. Автор-составитель В.Д. Доценко. СПб.: LOGOS, 2000. С. 58.
- ¹⁹ Памятная записка начальника Морского Генерального штаба кн. Ливена по поводу закона о флоте и судостроительной программе // АВПРИ. Ф. 138. Секретный Архив. Оп. 467, 1912 г. Ед. хр. 303/306. Л. 20 об.
- ²⁰ Там же. Л. 23 об. –24.
- ²¹ Там же. Л. 17 об.
- ²² Там же. Л. 19.
- ²³ Там же. Л. 20 об.
- ²⁴ Там же. Л. 18–18 об.
- ²⁵ Секретный протокол между Россией и Германией по Балтийскому вопросу, 16/29 октября 1907 г.; Декларация и меморандум России, Германии, Дании и Швеции по Балтийскому вопросу, 10/23 апреля 1908 г. // Сборник документов России с другими государствами. 1856–1917 гг. М.: Госполитиздат, 1952. С. 395–396, 400.
- ²⁶ *Хвостов В.М.* Борьба Антанты и Австро–Германского блока (1908–1911 гг.) // История дипломатии... / Под ред. В.П. Потемкина. Т. 2. С. 200–202.
- ²⁷ *Коковцов В.Н.* Указ. соч. С. 20. О беседах В.Н. Коковцова с императором Вильгельмом см. с. 134–166.
- ²⁸ Памятная записка начальника Морского Генерального штаба кн. Ливена по поводу закона о флоте и судостроительной программе // АВПРИ. Ф. 138. Секретный Архив. Оп. 467, 1912 г. Ед. хр. 303/306. Л. 21 об.
- ²⁹ Там же. Л. 19.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. Л. 19 об.
- ³² Материалы по истории франко-русских отношений за 1910–1914 гг. Сборник секретных дипломатических документов бывшего императорского Российского министерства иностранных дел. М., 1922. С. 55–77.

- 33 Памятная записка начальника Морского Генерального штаба кн. Ливена по поводу закона о флоте и судостроительной программе // АВПРИ. Ф. 138. Секретный Архив. Оп. 467, 1912 г. Д. 303/306. Л. 21 об.
- 34 АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 303–308. Л. 17 об.
- 35 Эта записка была опубликована в Красном Архиве: Константинополь и проливы // Красный архив. М. 1924. Т. 6. С. 57–58.
- 36 Там же. С. 59.
- 37 Там же. С. 61.
- 38 Царское правительство о проблеме проливов в 1898–1911 гг. // Красный Архив. 1933. Т. 6 (61). С. 135–140; *Шеревет В.И.* Босфор. Россия и Турция в годы Первой мировой войны. М: АИРО-XX., 1995; *Кинятина Н.С.* Балканы и Проливы во внешней политике России в конце XIX в. М.: Изд-во МГУ, 1994; *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М.: Наука, 1985; *Искендеров П.А.* Балканские войны 1912–1913 гг. // В «покроховом погребке Европы». С. 476–508; Царское правительство о проблеме проливов в 1898–1911 гг. // Красный Архив. 1933. Т. 6 (61). С. 135–140.
- 39 *Виноградов В.Н.* Указ. соч. С. 95–96.
- 40 Журнал Особого Сопещения 31 декабря 1913 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 310. Л. 4–4 об.
- 41 О Владимире Николаевиче Коковцеве (1853–1943) см.: *Векшина Ю.А.* Граф В.Н. Коковцов – государственньй деятель Российской империи. СПб.: Нестор-История, 2008.
- 42 Красньй архив. 1927. Т. 3. С. 208.
- 43 *Коковцев В.Н.* Указ. соч. С. 19.
- 44 Там же. С. 21; *Флоринский М.Ф.* Совет министров и Министерство иностранных дел в 1907–1914 гг. // Вестник ЛГУ. 1978. № 2. Вып. «История, языковедание и литература». С. 35–39.
- 45 Журнал Особого совещания 31 декабря 1913 г. // АВПРИ. Ф. 138. Оп. 467. Д. 310. Л. 10–11.
- 46 Там же. Л. 11.
- 47 Там же. Л. 10.
- 48 Там же. Л. 9.
- 49 Там же. Л. 10–11.
- 50 Там же. Л. 11 об.
- 51 Там же. Л. 12 об.
- 52 Там же. Л. 11 об.
- 53 Там же. Л. 13.
- 54 *Сухомлинов В.А.* Указ. соч. С. 224–226.